

Анархический социализм

В период между Парижской коммуной и Хеймаркетским бунтом анархизм возник как доктрина, связанная со специфической критикой государства и капитализма, и как модель революционных изменений, определяемых особенностями самой концепции анархии. Парижскую коммуну анархисты считали прототипом революционной организации, рассматривая ее как спонтанное действие угнетенного народа с целью противостоять буржуазной эксплуатации и притеснениям со стороны правительства. Коммуна выражала антиавторитарный порыв, который анархисты связывали с самоосвобождением и с той моделью децентрализованной федерации, которую Маркс откровенно отвергал.

Судебный процесс по Хеймаркетскому делу разъяснил мировоззрение, лежавшее в основе этого антиавторитарного порыва. Хеймаркетские анархисты наглядно показали преемственность между монархическим и республиканским режимами и, что немаловажно, обозначили свой анализ как анархический, воспользовавшись драматизмом момента для придания своим идеям силы. Свое знаменитое сочинение «Что такое собственность?» Прудон начинает с описания рабства как убийства, а имущества — как кражи. Критический анализ Хеймаркетского дела представил этот аргумент новой аудитории, ознакомив ее с дискурсом, который впоследствии часто использовался анархистами. В 1942 году, спустя более полувека после смерти Парсонса, активист-антимилитарист Фредерик Лор назвал нищету «результатом эксплуатации», добавив, что «эксплуатация в принципе невозможна, если нет порабощения». А поскольку рабство было «неотъемлемым спутником власти», Лор, находившийся по другую сторону Атлантики, сделал вывод, что «власть есть организованное рабство»[32].

В Америке анархисты также связывали с патриархальными имущественными правами и брачными контрактами угнетение женщин, зачастую опираясь на труды ведущих аболиционистов, таких как Эзра Хейвуд. В своей работе «Антигражданская свобода» (Uncivil Liberty), впервые опубликованной в 1870 году, Хейвуд утверждал, что «старый лозунг всех тиранов "Король не может ошибаться"» подтверждается действиями большинства мужчин, которые считали женщин не более чем своими придатками. Из всех женщин только проститутки имели права на своих детей, а «любой женатый отец [мог] распоряжаться ребенком, как ему заблагорассудится»[33]. Люси Парсонс, активистка анархистского движения из Чикаго, супруга Альберта и ярая защитница казненных анархистов, называла женщин «рабынями рабов», которые подвергаются не только более безжалостной, но и более изощренной эксплуатации, чем мужчины[34].

Схожие идеи присутствуют и в разработанной Парсонсом концепции государственного насилия и войны. Она касалась как права на сопротивление тирании, в котором было отказано чикагским рабочим, так и войны, которая, по мнению анархистов, велась внутри Соединенных Штатов и государств всего мира. В этом вопросе опыт Хеймаркетского бунта был тождествен опыту Парижской коммуны. Насилие применялось против рабочих, которые

сопротивлялись эксплуатации, и использовалось для поддержания дисциплины среди тех, кого колонизировали европейцы. «Цивилизаторская миссия» европейцев бесспорно открыла буржуазии неограниченные возможности в утверждении своих прав, и коммунары это понимали. Луиза Мишель, высланная за участие в Парижской коммуне в Новую Каледонию, училась у меланезийских канаков, с которыми познакомилась во время ссылки. Их восстание против французов в 1878 году основывалось на том же стремлении к свободе, которого она искала в Коммуне. Размышляя о европейском шовинизме, она задалась вопросом, какая группа в принципе могла бы претендовать на превосходство, и пришла к выводу, что это точно не «хорошо вооруженные белые, уничтожающие тех, кто вооружен похуже»[35].

Выступая с речью о состоянии американской политики в день поминовения чикагских мучеников в 1891 году, Кропоткин соединил модель Коммуны с приверженностью хеймаркетских анархистов классовой борьбе:

“ «Каждый год истории американского профсоюзного движения подтверждает правоту наших братьев. Каждая забастовка превращается в войну трудового народа. В каждой забастовке есть убитые рабочие... С каждым годом в великой республике обострялся конфликт между трудом и капиталом... Во время последней большой забастовки железнодорожников всерьез обсуждался вопрос о том, не целесообразно ли будет призвать все 200 тыс. бастующих и отправить армию мятежных рабочих в один из западных штатов (например, в Орегон), чтобы провозгласить там национализацию земли и железных дорог и основать огромную коммуну на всей территории штата. Не в одном городе, как это было в Париже, а на всей территории, со всеми ее сельскохозяйственными и промышленными ресурсами»[36].

Анархистская политика, формированию которой содействовали Париж и Хеймаркет, все еще оставалась неоднородной. Анархисты понимали возможности организации коммуны, а также формы и последствия критики капитализма и государства по-разному. Идеологические границы анархизма также оставались довольно изменчивыми, даже в отношении марксизма. В анализе революционного социалистического движения, проведенном Бакуниным и Кропоткиным после событий Парижской коммуны, марксизм трактовался как форма этатизма. Однако не все анархисты были одинаково враждебно настроены по отношению к марксизму, а некоторые даже пытались творчески с ним взаимодействовать. Если Маркс и Бакунин стояли на противоположных концах революционного социалистического спектра, то многие анархисты пытались занять позицию между ними. Хеймаркетский бунт породил либертарное социалистическое движение[5] — даже сегодня его называют хеймаркетским синтезом или чикагской концепцией. Оно основывалось на прямых сплоченных действиях местного уровня и было связано как с профсоюзными организациями, так и с сопротивлением коренных народов в сельских районах[37]. Приоритет, отдаваемый при этом организационной деятельности, снижал значимость теоретических разногласий между лидерами социалистического движения и служил антидотом против губительных споров, приведших к краху МТР.

Более того, Коммуна и Хеймаркетское дело привнесли в зарождающееся анархистское движение ритуалы, которые легли в основу групповой идентичности. В течение многих лет после этих событий анархистские группы организовывали ежегодные памятные мероприятия по всему миру. Например, Владимир Муньос сообщает, что первая «живописная цветная иллюстрация» появилась в уругвайской газете *El Derecho a la Vida* на центральном развороте мартовского номера, посвященного как раз 30-летию Парижской Коммуны³⁸. Хеймаркетские события добавили убедительности героическому образу анархистов. Опубликованное в Париже в 1892 году душераздирающее описание казни подчеркивало непоколебимую самоотверженность и бесстрашие осужденных. Сообщив, что женам было отказано в разрешении «поцеловать мужей в последний раз», автор пишет:

“ «Фишер запел "Марсельезу", а из соседних камер перед тем, как пойти на смерть, ее подхватили его товарищи по несчастью.

В 11:55 за ними пришли... Продлевать их страдания более было уже невозможно. Ах, какую радость испытали бы допущенные на казнь, услышав от кого-нибудь из приговоренных просьбу о пощаде!

Но наши братья не доставили этим негодьям такого удовольствия и молча взошли на эшафот...

Парсонс начал речь... но капюшон и затянутая на шее петля мешали ему говорить.

Шпис громко произнес: "Товарищи, наши голоса после смерти зазвучат громче, чем они звучали при нашей жизни!"

"Да здравствует анархия!" — крикнул Энгель.

"Это счастливейший момент моей жизни!" — воскликнул Фишер...

Секундой позже люк эшафота открылся, и четыре друга одновременно провалились в пустоту. У Парсонса мгновенно сломалась шея — он застыл без движений. Энгель, Фишер и Шпис какое-то время бились в конвульсиях. Смотреть на это было невыносимо»[39].

В телеграммах, зачитанных в том же году на митинге памяти у Холборнской ратуши в Лондоне, звучали уже знакомые ноты. Вот послание из Лидса: «Йоркширские анархисты шлют привет товарищам, собравшимся почтить память о событиях в Чикаго. Слава анархии!» Приветствие от товарищей из Ливерпуля звучало так: «Люди умирают, но принципы живут. Ура социальной революции, да здравствует анархия!» Еще одно «ура» донеслось из Манчестера: «Наши товарищи умерли, чтобы жила анархия, их дух приведет нас к победе». Анархисты из Глазго присоединились к «поминовению смерти наших мучеников. Хотя враг и одолел их, но сегодня они празднуют победу. Да здравствует анархия!». Из Инвернесса: «Север пробуждается. Во имя свободы они жили, во имя свободы умерли. Наш черед сражаться». Из Эдинбурга: «Да будет слышен глас народа!»[40]

Версия #2

Зверобой создал 11 апреля 2025 13:51:10

Зверобой обновил 11 апреля 2025 13:55:21